

ЭТО Я ВИНОВАТ...
ЭВОЛЮЦИЯ И ИСПОВЕДЬ
ТЕРРОРИСТА

Письма Егора Созонова
с комментариями

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЭТО Я ВИНОВАТ...

ЭВОЛЮЦИЯ И ИСПОВЕДЬ
ТЕРРОРИСТА

Письма Егора Созонова
с комментариями

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2001

ББК 84(2Рос=Рус)1
С 54

С 54

Это я виноват...: Эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями / Сост. и коммент. А. Ф. Савина; Предисл. С. Г. Бочарова. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 520 с.: ил., цв. вклейки после с. 64 и после с. 320.

ISBN 5-94457-018-0

На ваш суд представляются письма Егора Созонова, чья историческая ипостась — убийство «патентованного палача» министра внутренних дел В. К. Плеве; нравственная же ипостась выделяет его среди других революционеров начала XX века. Автор писем принял на себя вину за пролитую и в будущем кровь: «это я виноват...».

ББК 84(2Рос=Рус)1

ЭТО Я ВИНОВАТ...

Эволюция и исповедь террориста
Письма Егора Созонова с комментариями

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки Сергея Жигалкина

Корректор Г. Амелин

Оригинал-макет подготовлен А. С. Касьяном
Компьютерный набор выполнен А. Ф. Савиным

Подписано в печать 15.08.2001. Формат 60×90^{1/16}.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. п. л. 32,5. Заказ № 1499.

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Печета» Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-018-0

9 785944 570185 >

© А. Ф. Савин. Составление,
комментарии, 2001

© С. Г. Бочаров. Предисловие,
2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Люди больше, чем братья мои,
они частицы моего мира, они раз-
вернутое во всю ширь мое «я».*

(Егор Созинов)

Не үзйй.

(Второзак. 5, 6—18)

*Да оглянитесь кругом: кровь ре-
кою льется, да еще развеселым та-
ким образом, точно шампанское.*

(Федор Достоевский)

Оглавление

Трагедия русской души (С. Боцаров)	9
ЭТО Я ВИНОВАТ	13
Семья, детство	19
Московский университет	31
Слово и мысль	45
Письма из Самарской тюрьмы	49
Бегство из Сибири	52
Письмо из Швейцарии	55
С мечом террора	60
Убийство Плеве	72
А друзья нарекли его Авелем	83
Для моего защитника	90
Узник	106
Письмо из Шлиссельбурга	106
Письма начала 1906 года	110
Акатуй	122
1907 год	140
Алгачи	145
Горный Зерентуй	169
Самая светлая моя радость	188
Мое новое люблю	188
«Душа в душу, ум в ум»	204
Потеря Герцуни	224
«Кабинетная религия» Мережковского	245
Я хочу быть с вами, с такими, как ты	255
Не от мира сего	271

Праздную только с вами	279
Липовый мед с родины	294
Семья Аверкиевых в письмах Егора	294
«Страдая, будь спокойна насчет твоего сына»	305
1909 год	317
Егор в одиночке	328
Егор — с деловым предложением	338
Бездна	353
Одиночество	367
На место старой правды вырастает новая	374
Робинзон на пустынном острове	388
Под обстрелом	408
1910 год	428
Тоскую я о матери своей	464
Потонувший колокол	471
Тревожная осень	476
Последнее прости	499
Послесловие	513
<i>Список литературы</i>	515
<i>Список иллюстраций</i>	518

Трагедия русской души

Герой этой книги Егор Созонов совершил в своей короткой жизни два роковых, непоправимых, смертельных поступка. 15 июля 1904 г. он по решению боевой организации партии социалистов-революционеров, которое стало его собственным непреодолимым решением внутренним, убил на улицах Петербурга государственного министра внутренних дел В. К. Плеве. 28 ноября 1910 г. в каторжной тюрьме в Горном Зерентуе в Забайкалье, за два месяца до выхода с каторги на поселение, он покончил с собой, следуя долгу чести заключенного, давшего слово таким единственным ему доступным способом протестовать против телесных наказаний, введенных тюремным начальством; и этим личным актом он хотел предотвратить коллективное самоубийство, к которому готовились заключенные. Он начал свой путь с того, что назначил в жертву другого человека, в котором видел олицетворение российского зла («изъял Плеве из обращения», как сам формулировал в своей «исповеди» перед судом), кончил тем, что принес в жертву себя.

Между этими двумя пределами судьбы Егора Созонова заключено содержание книги. Ее составляют письма Созонова с каторги родным и любимой женщине, «невесте», Марии Прокофьевой. Письма эти были опубликованы в 20-е годы, но составители этой книги их собрали, отобрали, расположили, прокомментиовали, осмыслили по-новому. История русского терроризма и тайна этого чудовищного явления нашей и мировой истории заново встают как вопрос перед нами сейчас, когда уже подведен итог XX веку. Политический террор был всегда, но

убийства Цезаря, Генриха IV, Авраама Линкольна остались в истории ее сильными эпизодическими событиями, однако то, что было начато действиями Народной воли в России при Александре II, открыло совсем иную эпоху истории. Только что впервые опубликован достаточно давний уже текст нашего историка Александра Зимина, где он писал о «детях 1 марта» (это было написано в 1974 г., и примеры относятся к тому времени, а сегодня кажутся уже устаревшими): «Вот они, предтечи похитителей самолетов, Баадеров-Майнхофов, захватчиков заложников и ирландских террористов. Поистине Россия прокладывала путь в Неизвестное» (Ex libris НГ, 05.04.2001).

В начале нового века продолжал прокладывать этот путь террор эсеровский, савинковско-азефовский. И вот в наполняющих эту книгу письмах перед нами открытая душа одного из громких его активистов — убийцы Плеве. И какую душу мы слышим? Самую чистую, нежную, мягкую, даже кроткую, преданную. «Я же ни до, ни после, никогда не слыхал, чтобы он осуждал кого-либо». Это товарищ по партии, Борис Савинков, сам совсем другого душевного склада деятель, так вспоминал Созонова. «Что-то было в нем, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит». А это Алеша Карамазов у Достоевского. Егор Созонов в письмах просит прислать ему «Братьев Карамазовых» в тюрьму, не зная, конечно, что думал сделать со своим Алешей автор в следующем романе, о чем рассказал в своем дневнике А. С. Суворин: «Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы преступление политическое. Его бы казнили. Он искал бы правду, и в этих поисках естественно стал бы революционером».

Таков ли был бы путь Алеши в следующем романе, который автор рассматривал как главный роман, а сами «Братья» — как лишь предварительный, — как знать? Можно и сомневаться в этом, настолько трудно представить такой путь Алеши, — но ведь, значит, Достоевский мог его таким представить, рассказывая Суворину, который мемуарист был точный (любопытно, что

запись своего старого воспоминания он сделал в 1903 г., когда уже выходил на свою дорогу Егор Созонов).

Как получалось у нас, что такие души, как Алеша Карамазов и Егор Созонов *естественно* шли в революционеры? Как получался тот адский сплав такой душевной «естественности» с противоестественностью пути, искажившего и сломавшего жизнь такого человека, каков герой этой книги? Вот в одном из писем он с презрением говорит об обычных путях, по которым идут товарищи, отходящие от «борьбы»: «ушел в науку, женился». Егор не ушел в науку и не женился и в результате проиграл свою богатую яркими возможностями жизнь, и в результате также вместе с собственной поломал судьбу любимой девушке, с которой вел такую глубокую духовную переписку.

Круг действия, в который в юности он был вовлечен, — это мир Достоевского. И в этом мире рядом с ним — «Авелем», как его звали родные и товарищи, и с братом ему по душе — «поэтом» Иваном Каляевым, — Ставрогин-Савинков, человек, не знавший страха, как не знал его и Ставрогин. Однако и самого Егора страшит перед концом воспоминание о Ставрогине как «предзнаменование». Имя Ставрогина означает крест, и брат Егора Зот, предвидя неизбежное, молит в последние дни: «Да минет чаша сия...» Не минула, не могла. Но Егор умирает не как Ставрогин, нет, — с двумя иконками на груди, благословением матери (как не вспомнить опять Достоевского — «кроткое» самоубийство другой его героини с прижатой к груди иконой!).

Письма этой книги — это письма родителям, брату, его жене, своей невесте. Вторая тема, второй герой книги — семья Егора Созонова, из которой он ушел сначала в «дело», потом на каторгу. Но на каторге в письмах этих он в семью вернулся. «Самые лучшие в мире родители...» Ничего нет более чуждого самой мысли о каком-либо терроре, чем склад и тон этой патриархальной религиозной семьи староверов и весь ее трудовой, крепкий, вечнонравственный до корней уклад. Но не только преступник-сын не ушел душой из семьи — семья ни на миг не заколебалась принять его как вдвойне возлюбленного во грехе. Матери он

пишет с последней нежностью, с отцом — труднее, перед отцом он — блудный сын, не ставший ему помощником в его нужном, полезном не только семье, но и людям, обществу и стране лесном деле; и отец обращает к нему суровое слово: «Терпи!».

С многочисленных фотографий на страницах книги на нас глядят лица — в них нам, сегодняшним людям, стоит всмотреться: сейчас вокруг нас такие лица вряд ли нам встретятся. Эти лица ушли вместе с тем укладом — хозяйственным, семейным, нравственным, — который в них запечатлен. Но присутствующие с нами авторы-составители книги еще видели эти лица живьем. Читателю следует отнестись со вниманием к предувещанию перед первой страницей книги: «Перед прочтением текста рекомендуется ознакомиться с послесловием». В послесловии авторы-составители говорят о себе. Они — прямые потомки героев книги. Ирина Васильевна Созонова — внучатая племянница Егора Созонова, и в детстве она еще успела узнать его мать; Алексей Савин знал Любовь Александровну, которой Егор писал из-за границы задушевные письма. Перед нами не исследование отдаленного историка, а живое кровное наследование исторической истины и трагедии лучших русских людей, трагедии чистой русской души, какой представляется нам сегодня жизнь и смерть Егора Созонова.

С. Бочаров

ЭТО Я ВИНОВАТ

Вот так, когда ты стоишь в одиночестве перед зеркалом и смотришь на свое отражение...

Я совершил величайший грех, возможный для человека ¹, два убийства, запятнал себя кровью ...

Прежде всего, не будем искать смягчающих вину обстоятельств, не покривим душою перед Богом ... Я не в безумии решил и совершил это дело. Никогда я не был осмотрительнее, чем когда решался ... Долгие и бессонные ночи в Самарской тюрьме были проведены в муках раздумья. Всё передумал, взвесил, пережил ожидавшие вас страдания ... не вините никого другого, кроме меня самого ... **Может быть я даже другого натолкнул на такое ужасное дело. Да, дорогие мои, ужасное дело ...** Я первый признал это. Вы знаете мой характер. Для того ли я был создан, чтобы проливать кровь? Вспомните мои молодые мечты о мирной деятельности на благо несчастного люда. И вдруг, при таком-то робком, миролюбивом характере, предо мной встала страшная задача ... и я не мог сбросить её со своих плеч, я должен был её выполнить, должен ... и даже теперь, после всего случившегося, я не мог бы решить по-иному.

Вы часто меня упрекали, что я, вкусивши науки, забыл о Боге. Дорогие мои! Земной мой поклон вам и моё вечное спасибо за то, что вы научили меня свято относиться к вопросам совести. Ведь потому-то я совершил дело, что я чувствовал, что моя совесть, моя религия, моё Евангелие, мой Бог — требовали этого от меня. Мог ли я ослушаться?.. Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моею религиею ... **Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа**, который проповедовал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех трудящихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей ... Но,

¹ Кроме министра внутренних дел В. К. фон Плеве был убит его кучер.